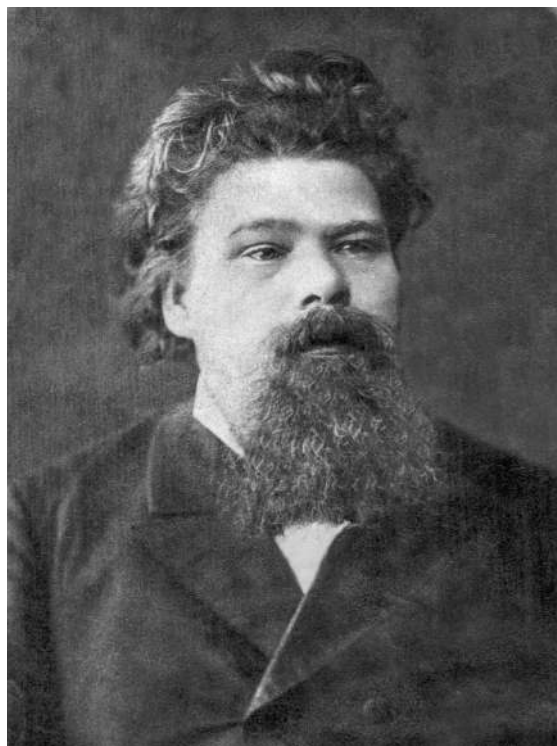

Енисейская дореволюционная золотопромышленность за неполный век своего существования, подобно большому социальному лифту, вынесла на самый верх социальной лестницы разные имена. Многие из них, над кем, по выражению современника, «подыграло золотишко»¹, так же быстро исчезали с небосклона успешной жизни, возвращаясь в лоно городского плебса; те же немногие, кто смог адаптироваться к быстро меняющейся экономической ситуации в стране и регионе, остались на слуху у потомков. Разумеется, состав успешных енисейских предпринимателей тоже был неоднороден в плане понимания отрасли. Большинство компаний, так или иначе, имело консервативное представление о добыче золота, вырабатывая до последнего имеющиеся в своём распоряжении прииски. При этом находились и те, кто стремился к введению новых технологических приёмов в золотодобычу, традиционно выделяясь в среде местных золотопромышленников. Поэтому данная статья будет посвящена одному из таких деятелей — купцу Ивану Дмитриевичу Черемных, чья деятельность носила настолько разноплановый характер, что оставила неоднозначную оценку у современников. Постараемся же на основе сохранившихся материалов хронологически проследить жизненный путь Ивана Дмитриевича.

И. Д. Черемных. Фото второй половины XIX в.

Вопрос о происхождении нашего героя связан со Средним Уралом. В 1855 году он числится мещанином города Ирбит Пермской губернии. Сама фамилия Черемных, по утверждению профессора А. Г. Мосина, родилась из прозвища, ставшего фамилией, с конца шестнадцатого века: «Русские служилые Чермные зафиксированы уже в документах 1598 г. Эту фамилию носил тобольский казак Алексей, участвовавший в битве на р. Ирмень и затем сопроводивший пленённое семейство Кучума в Москву»². По мнению автора, прозвище имеет северное происхождение, перекочевавшее в Сибирь. Здесь не лишним будет привести комментарий М. О. Маркса, столкнувшегося с самобытными традициями Енисейска в 1870-е годы девятнадцатого столетия: «Обыкновение спрашивать „чей?“ пошло со времени открытия золотых приисков, и отвечать следовало „григорьевых“, „бенардакских“, „малевинских“, „базилевских“ и прочее.

И, в свою очередь, вопрос этот породил новые фамилии мещанские и купеческие с окончанием на „их“: „Белых“, „Черемных“ и „Сизых“»³. Однако представляется, что Максимилиан Осипович всё же заблуждался относительно причудливой трансформации вопроса в фамилию, и она действительно несёт в себе уральские корни. о. В. Копытская высказала другую, более жизнеспособную версию, хотя и в свойственной ей манере «стремительного развенчания исторической несправедливости». Согласно её выводам, купец имел более «близкое» .....

1. *Яворский А. Л.* Город Енисейск. Воспоминания 1890-х гг. XIX в. Машинопись. ЕКМ ОФ 5459. С. 16.
2. *Мосин А. Г.* Словарь уральских фамилий. Происхождение фамилий Камышловского уезда. Екатеринбург, 2000. С. 10.
3. *Маркс М. О.* Записки старика. Машинопись. ЕКМ 2141-10. С. 46.

Вид на Ново-Мариинский прииск И. Д. Черемных. Фото XIX в.

происхождение — город Красноярск. Действительно, ещё во время учреждения одной из ранних своих компаний на Бирюсе Иван Дмитриевич упоминается красноярским мещанином.

Кроме того, в литературе, посвящённой енисейскому купечеству, до сих пор отсутствует точная дата его рождения. Исследователь Е. В. Комлева указывает примерно 1860-е годы⁴, с чем сложно согласиться, так как, по имеющимся данным, И. Д. Черемных уже в 1872 году упоминается как управляющий одним из приисков компании В. И. Базилевского. Ранних представителей династии Черемных тоже установить сложно. Казалось бы, на это могут пролить свет сохранившиеся документы фиксации городских жителей середины девятнадцатого века, которые представлены по Енисейску в Обывательской книге 1852–1858 годов. Однако персоны с такой фамилией не встречаются, что говорит о возможном иногороднем происхождении. Это подтвердится в последующем и в его отношении к Енисейску: в отличие от своих коллег по золотопромышленности, предпочитавших скупать и строить недвижимость в городе, он большую часть жизни будет проводить на приисковых резиденциях. Возможно, являясь выходцем из другого города и не имея в Енисейске родных,

будущий золотопромышленник предпочитал ему тайгу. Интересно, что когда в 1884 году местные думцы решили избрать его членом управы, он отказался, как проживающий большей частью на приисках. Как писал А. И. Кытманов, «долго Дума не увольняла его, убеждая, что он, проживая в Енисейске и пользуясь здесь выгодами, не относил ни одной службы»⁵. И хотя сам Иван Дмитриевич не питал большого интереса к этому городу, именно енисейский период его жизни станет главной темой настоящей статьи.

Вообще в поле зрения современников И. Д. Черемных как деятель попадает в 1878 году. После окончания Енисейского уездного училища он сразу включается в приисковую жизнь, оказавшись в обществе ссыльных поляков. Возможно, это обстоятельство также наложило отпечаток на его стремительно формирующуюся любознательную натуру. В это время он уже известен как управляющий Татъянинским прииском Виктора Ивановича Базилевского, который в том же году дал десять пудов пять фунтов золота. К этому времени он уже побывал во второй купеческой гильдии (1859 год) и записался в первую (1861 год). С Виктором Ивановичем у него сложатся длительные деловые отношения сначала как хозяина и управляющего, а затем и как компаньонов. В своих воспоминаниях об отце он упомянул и своего бывшего управляющего: «...благодаря энергии И. Д. Черемных открыто много рудников в Северной системе»⁶. Сам Виктор Иванович приходился сыном известному в золотопромышленных кругах Ивану Фёдоровичу Базилевскому, выходцу из дворян Оренбургской губернии. В 1857 году во владении

4. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 2012. С. 278.

5. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. ЕКМ. Машинопись. С. 592.

6. Биография И. Ф. Базилевского. ЕКМ 3065. Л. 4.

этой фамилии имелись золотые промыслы на землях Оренбургского казачьего войска⁷. Затем спектр их интересов сместился в Енисейскую губернию, где он записался в первую гильдию Красноярского купечества, добывая драгоценный металл сначала в Ачинском, а затем и Енисейском уездах. К этому времени частный поиск золота в Сибири был одобрен правительством, но для начала необходимо было получить Разрешительное свидетельство. Уже в 1840 году были открыты россыпи енисейской тайги. Возможно, не покажется преувеличением такой вывод: в лучшее время енисейской золотопромышленности добыча принадлежала далеко не местному купечеству. Компании Малевинских, Бенардаки, Сидоровых и другие представляли предпринимательский класс Европейской России либо Урала. И только во второй половине девятнадцатого века на этот рынок стали выдвигаться местные компании. Разумеется, господину Базилевскому не хотелось утруждать себя поездками. Да и владельцы приисков, на тот момент преимущественно не местные, за редким исключением не посещали приисков и вели разработки посредством своих уполномоченных и доверенных. Одним из таких уполномоченных и оказался герой нашего повествования.

Иван Дмитриевич Черемных пришёл в золотопромышленность, когда та находилась на излёте своего существования. Лучшие времена добычи, когда рассыпное золото добывалось относительно легко, были позади, и теперь предпринимателям оставалось надеяться на техническую революцию в области машиностроения. Здесь компании Базилевского пригодился природный ум своего управляющего, склонного к постоянным совершенствованиям в области добычи. Но, как замечал А. И. Кытманов, «недостаток технических знаний и увлекающийся характер вовлекли его много раз в крупные ошибки»⁸. В 1882 году Иваном Дмитриевичем открыто месторождение кварцевой золотоносной жилы, но радость открытия омрачена пожаром на том же Татьянинском прииске, в котором погибли паровая машина и вагонный пескоподъёмник⁹. Годом ранее он пробовал свои силы на Бирюсе. Была учреждена компания с нижеудинским купцом А. Г. Воронцовым. Предприятие купило четыре прииска у Бирюсинской компании, но дело после смерти А. Г. Воронцова прекратилось.

Уменьшение объёмов золотодобычи неизбежно вело к ухудшению положения рабочих. «Кажется, ни один промысел не находится в таких неблагоприятных условиях, как золотопромышленность»¹⁰, — отмечал корреспондент газеты «Енисей». Иван Дмитриевич пытается улучшить ситуацию со снабжением приисковых рабочих, а заодно избавить себя от необходимости закупать зерновые у подрядчиков. Любопытный эксперимент,

на который ещё не решался ни один из местных промышленников, — возделывать овёс прямо на приисках. К сожалению, опыт оказался неудачным. Параллельно с внедрением посевов И. Д. Черемных пытается улучшить систему коммуникаций. Ещё с начала золотопромышленной эпохи забота о дорогах являлась коллективной задачей всех участников отрасли. Иван Дмитриевич в 1883 году выходит с предложением перейти на Старонифантьевскую дорогу, минуя, таким образом, реку Пит на протяжении двух станков. По мнению автора проекта, это сократило бы путь к основной зоне приисковой системы, а также снизило расходы на содержание почт, зимовий и прочих служб. Как и с предыдущим проектом по севу овса, наш герой с энтузиазмом отдаётся делу. Но, изначально лишённый поддержки со стороны остальных предпринимателей, его замысел был обречён на новую неудачу. В итоге уже созданная просека к реке Сухой Пит с обустроенными зимовьями, несмотря на огромные затраты, была заброшена. Однако эти откровенные провалы несколько не надломили предприимчивого управляющего, что вскоре выльется в серию очередных проектов.

Его супруга, Афанасия Савельевна, тем временем выступает на подмостках енисейского тетра. На афишах за 1884–1886 годы её можно было без труда отыскать среди актрис спектаклей «Лакомый кусочек», «Выгодное предприятие» и «Доходное место»¹¹. Об Афанасии Савельевне на данный момент известно, что до замужества она носила фамилию Глазкова и происходила из мещан. По данным, собранным Н. В. Пироговой, она родилась в семье Глазкова Савелия Яковлевича и его жены Варвары Климентьевны¹². Наталья Викторовна предполагает уральское происхождение данного семейства, а точнее — Екатеринбургский уезд. По воспоминаниям С. В. Востротина, чей отец Василий был женат на представительнице этого рода Акулине Савельевне — одной из дочерей Савелия Яковлевича: «В то время в Енисейске находилась семья Глазкова, также переселившаяся с Урала, но с соседнего, Кыштымского, завода той же Зотовской компании. Прибывшая в Енисейск семья Глазковых состояла из отца, матери,

7. Смирнов В. В. Золото Сибири. Исторический очерк о людях, добывающих золото в сибирской тайге. Красноярск, 2011. С. 126.

8. Кытманов А. И. Ук. соч. Машинопись. С. 537.

9. «Енисейские губернские ведомости» // 1883.

10. «Енисей» // 1898.

11. Кытманов А. И. Ук. соч. Машинопись. С. 657.

12. Пирогова Н. В. Род Михайловых и род Глазковых // Енисейский Родослов. Альманах. Выпуск 9, Енисейск, 2018. С. 32–35.

Панорамный вид на жилые помещения завода «Рассвет». Фото 1890-х гг.

четырёх дочерей и двух сыновей»¹³. Приехав в Енисейск, Глазковы также постепенно включились в процесс золотопромышленности, а сам глава семейства, возможно, состоял управляющим одним из приисков Востротиных. Не менее яркий отзыв приводит Степан Васильевич Востротин о Енисейске и Афанасии Савельевне Черемных, вкладывая его в уста английского горного инженера Уильяма Артура Мерсера: «Город поразил меня несказуемо. Даже в Лондоне никто не пожелал бы иметь дома лучше и красивее и с большим вкусом обставленные. Большие комнаты, много света и воздуха. Дом Черемных действительно прекрасен. Обед был отлично сервирован. Сама г-жа Черемных оказалась дамой, полной достоинства, с большой выдержкой, настоящей леди, которая оказывала гостеприимство с большим навыком. <...> Я провёл в конечном счёте очень приятный день, и было трудно поверить, что мы находились в самом сердце Сибири»¹⁴. В 1896 году Афанасия Савельевна приняла участие в полезной акции. Общество попечения о начальном образовании в городе Енисейске арендовало помещение под книжный склад, который был призван насыщать литературой город, а деньги с продажи книг должны были пойти на финансирование учебных заведений. Идею о складе выдвинул ещё в 1892 году член Общества Н. В. Скорняков. Представители Общества обратились в управу с просьбой о выделении тёплого помещения в составе Гостиного двора, но там ответили, что свободных мест нет.

Тогда пришлось арендовать неотапливаемые лавки в торговом корпусе И. И. и Г. И. Дементьевых за семьдесят рублей в год. Как отмечалось в отчёте Общества, «место было бойкое, центральное, но, к сожалению, помещение очень холодное, но ввиду его центрального положения пришлось мириться со многими недостатками»¹⁵. Так как в складе нужно было вести торг, встал вопрос о продавцах, который и был решён при участии председательницы А. А. Кытмановой. Как отмечает источник, «на приглашение председательницы дамы откликнулись весьма сочувственно и изъявили своё согласие торговать в складе»¹⁶. Среди откликнувшихся, наряду с А. И. Станкеевой, Ю. М. Хейсиной, Е. И. Востротиной и прочими, была и А. С. Черемных. Кроме книг, в складе можно было приобрести канцелярию и предметы живописи. Акция позволила собрать дополнительные средства в поддержку образовательных учреждений Енисейска. Её имя можно встретить и в списках членов Общества пособия бедным города Енисейска, в котором она состояла с 1902 года. Продолжая свою работу на ниве просвещения, Афанасия Савельевна служила преподавательницей грамматики в женской воскресной школе, открытой в 1893 году на базе помещения второго приходского училища. В 1915 году она числится заведующей данной школой и её учебными пособиями. В 1916 году она входит в список учредителей Енисейского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам. Кроме того, она упоминается в списках дарителей Енисейского общественного местного музея.

Возвращаясь к персоне Ивана Дмитриевича, отметим, что ему так или иначе, по примеру супруги, пришлось включаться в общественную жизнь города. В 1883 году открывается Енисейский общественный местный музей, и он становится его

13. Востротин С. В. Енисейск, Томск, Казань. Автобиографические воспоминания. АРАН. Ф. 529. Оп.1. Д. 5. Л. 14.
14. Там же. Ф. 529. Оп. 1. Д. 8. Л. 38.
15. Отчёт Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1896 г. Енисейск, 1897. С. 10.
16. Там же. С. 11.

Вид на завод «Рассвет». Фото 1890-х гг.

практически постоянным дарителем. Уже в год открытия им подарены сланец с кварцевыми жилами, гранит, окаменелость дерева, карты приисков и чертежи завода «Рассвет». После неудачной попытки со стороны городской Думы избрать его членом управы, в 1885 году был избран членом попечительного совета Енисейской женской гимназии. Всего в совет входило двадцать три представителя. При этом общественная деятельность ни в коем случае не заслоняла собой дело всей жизни — добычу драгоценного металла. За своё упорное стремление к цели он заслужил у современников прозвище «неутомимый». И так, в 1886 году «неутомимому Черемных», казалось, сопутствовала удача. Открытие возможностей месторождения жильного золота Татьянинского прииска способствовало расширению промысла. На руднике «Эльдорадо» пробы кварцевых жил дали содержание в десять золотников, и как отмечал летописец А. И. Кытманов, «Черемных торопился в постройке завода, который строился на Вангаше, и руда должна была отвозиться туда с рудника „Эльдорадо“. <...> Работа кипела, и каждый, посещавший тайгу, стремился на прииски, управляемые Черемных, чтобы посмотреть на новинки. А их было везде много. Так, на заводе „Заря“ действовала турбина, делавшая

200 оборотов в минуту»¹⁷. Его деятельность в разработке рудного золота внушала оптимизм всем остальным. «Несмотря на новизну рудного дела и на его, вследствие этого, несовершенство, несмотря на недостаточное знакомство с ним рабочих и служащих, на несовершенство самого оборудования, завод в настоящем виде оказывается настолько выгодным, что, по вычислениям, должен окупить все произведённые на его устройство расходы», — писал корреспондент «Сибирской газеты»¹⁸. Как сообщает В. М. Внуковский, «инстинктивно поняв, какое огромное значение в будущем должна иметь добыча жильного золота, поэтому желая монополизировать её в своих и доверителя руках, Черемных лихорадочно приступил к захвату (путём заявки) всех тех площадей, где, по его предположениям, стоило ожидать золотосодержащих жил»¹⁹.

Примерно в это время он перестаёт быть управляющим В. И. Базилевского и приобретает статус .....

17. Кытманов А. И. Ук. соч. Машинопись. С. 611.
 18. «Сибирская газета» // 1887.
 19. Внуковский В. М. Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского округа. С.-Петербург, 1905. С. 397.

компаньона, вступая на путь самостоятельной добычи. Также он располагает новым социальным статусом, с 1883 года числясь во второй гильдии енисейского купечества. А. Л. Яворский так описывал подобные метаморфозы: «Часто ловкий доверенный, управляющий или приказчик, острожно спихнув своего хозяина, становился на его место»²⁰. На самом деле приведённая ситуация не являлась нормой. Более распространёнными считались ситуации, когда наиболее талантливые управляющие в итоге сами заявляли прииски. Таких примеров существовало множество: это и бывший управляющий прииском купца И. П. Кытманова В. М. Харченко, впоследствии сам состоящий в купеческой гильдии; это П. В. Шумахер, управляющий компании Красильниковых, и так далее.

Персона нашего героя не сходила с газетных страниц. Действительно, если мы посмотрим на периодику того времени, посвящённую золотопромышленному промыслу, то обязательно отметим тот факт, с какой регулярностью Иван Дмитриевич попадал на острие пера либеральной прессы. И такое внимание с её стороны не всегда устраивало Черемных. В 1885 году наш герой впервые попал на страницы периодических изданий, став участником крупного скандала, связанного с нарушением межгильдейских границ Святодуховского прииска купца Власова. Трудно сказать, насколько действия со стороны рабочих Черемных носили преднамеренный характер, но в итоге состоялось разбирательство, закончившееся ничем. В конце концов было решено, что «окружной ревизор допустил, как говорят, отступление от своей прямой обязанности—не сделал своевременно освидетельствования выработки местности»²¹. Интересно, что купец и сам писал письма в газеты, вступая в полемику с экспертами золотопромышленной отрасли, которыми нередко себя считали журналисты. В 1886 году он пишет письмо в редакцию «Сибирской газеты» после выхода очередного материала, посвящённого делам компании Базилевского—Ратькова-Рожнова. Автор публикации подчёркивал: «Высокие проценты на деньги и на товар, нерациональность ведения дела его управляющими, предпринимаемыми без средств большие затеи, сгубили дело и поставили его ребром. Было бы гораздо лучше,

если бы Базилевский самолично вёл своё дело, не управляя им из Петербурга»²². На эти заявления Черемных ответил редактору: «Милостивый государь, господин редактор! Клеветы и небывлицы о приисковом деле В. И. Базилевского в енисейской тайге, украшающие собой страницы „Сибирского листка“, могут вызвать тревогу близко заинтересованных состоянием этих дел и потому побуждают меня обратиться к Вам с просьбою напечатать мою заметку о действительном положении этих дел»²³. Далее им приводились аргументы, сопровождаемые бухгалтерскими выкладками. В частности, И. Д. Черемных утверждал, что частные работы В. И. Базилевского обеспечены доверенностью в двести пятьдесят тысяч рублей уже осуществляемой добычи. Также Иван Дмитриевич писал: «Личный мой кредит обеспечен моей половиной Александровского прииска Южной тайги... прииск выгодный, и потери по этому прииску достаточно обеспечены моим заработком за 10 лет службы приисковым помощником в деле В. И. Базилевского»²⁴. Письмо было напечатано и в дальнейшем не оставалось без внимания прессы.

Но журналистов привлекал не только «неутомимый» золотоискатель, но и члены его семьи. Конечно, к любой корреспонденции, как и к источникам иного плана, необходимо относиться с известной долей критики, но в свете ограниченности фонда документов по Черемных и его близким не станем пренебрегать тем, что имеем. Итак, в 1884 году читающая публика не без интереса следила за эпатажными выходками тестя Ивана Дмитриевича—Савелия Яковлевича Глазкова, устроившего потасовку в Енисейском общественном собрании. По сведениям корреспондента, Глазков явился на маскарад тринадцатого февраля (по старому стилю) без маски, «во фраке, в белом жилете и таком же галстуке, заявив своим знакомым, что намерен устроить скандал»²⁵. Заявлением Савелий Яковлевич не ограничился, действительно начав драку в общественном месте с одним из местных золотопромышленников. Результатом нападения стало заявление побитого золотопромышленника в полицию. Интересно, что родственники Глазкова просили пострадавшего пойти на мировую, а когда получили отказ, прибегли к последнему способу: отказали в суде на арендуемый пострадавшим прииск. Разумеется, поколоченный арендатор вынужден был забрать заявление. И, как не без иронии замечал корреспондент, «Глазков же, разумеется, будет по-прежнему посещать маскарады во фраке и белом жилете»²⁶.

Вернёмся к И. Д. Черемных. В 1887 году он пробует себя в роли судовладельца, купив небольшой пароходик «Сибирячка» с машиной в восемьдесят лошадиных сил. Тогда же по сооружённому Обь-Енисейскому каналу он отправляет баржу с хлебом для северных приисков. А весной 1889 года

20. Яворский А. Л. Ук. соч. С. 3.

21. «Сибирская газета» // 1885.

22. «Сибирский листок» // 1886.

23. Письмо И. Д. Черемных в редакцию «Сибирской газеты», 1886 г. ГАКК. Ф. 156. Оп. 1. Д. 4553. Л. 1.

24. Там же. Л. 2.

25. «Сибирская газета» // Подшивка, 1884. Л. 27.

26. Там же.

И. Д. Черемных объявил о намерении совершать рейсы между Енисейском и деревней Мотыгино, подготовив команду и выделив сумму на обмундирование. А. И. Кытманов по этому поводу замечал: «Капитан „Сибирячки“ одел своих матросов в форменное платье и старался сделать из енисейских рабочих настоящих моряков. Всё это сместило енисейскую публику»²⁷. Здесь начинающего пароходчика подстерегала неудача: на Стрелковском пороге затонула баржа и едва не погиб сам пароходик²⁸. Из положительного можно отметить составленное по результатам похода капитаном Л. И. Прушинским кроки реки Большой Кас. Это кроки до сих пор хранится в фондах Енисейского музея. Однако не в правилах Ивана Дмитриевича было отступать, и в том же году он отправляет «Сибирячку» за крупчаткой, купленной в Томской губернии. Это предприятие оказалось более удачным. Кстати, данный пароход прослужил на Енисее ещё несколько лет и был списан в 1893 году. Заслуживает внимания ещё одна неосуществившаяся задумка. «Неутомимый Черемных» объявил Судоходный прииск, находящийся ниже устья реки Оллончимо, исключительно для нужд неудачно спроектированного им судоходного сообщения приисков с Енисеем. Возможно, он искал водные пути в систему приисков с целью удешевить доставку припасов по известным сухопутным путям, которые содержались на средства золотопромышленников. Стоит ли говорить, что проект остался неосуществлённым?

Следующий, 1890 год принёс новые трудности — начались волнения рабочих на Александровском прииске, что не помешало получить с него восемь пудов тридцать один фунт золота. Рабочие выступали против жестокого обращения со стороны служащего Рязанова. Приисковая же администрация во главе с Бастриковым закрывала на происходящее глаза. К тому же рабочих не устраивал быт. Так, комиссия, занимавшаяся исследованием положения рабочего контингента на приисках компании Базилевского — Черемных — Ратькова-Рожнова, заключила: «Казармы для рабочих устроены в двух корпусах без сеней и сушилен, с ординарными полами, доходящими только до нар. Жилые и хозяйственные постройки сделаны из дерева, без фундамента, прямо на почве»²⁹. При этом отмечалось, что «имеется больница на 12 кроватей»³⁰. При всей совокупности недостатков устройства быта трудового персонала, его фактически юридическом бесправии, закреплённом в системе договоров о найме людей на работы с 1838 года с некоторыми дополнениями (в частности, утверждалось: «Рабочие на приисках должны быть в полном повиновении у нанявшего их хозяина или доверенного его приказчика, хотя бы и не было между ними формального явочного договора; не причинять ему ущерба

и воздерживаться от буйства, разврата и особенно преступлений»³¹), неудивительно, что такие договоры представляли собой широкое поле для произвола приисковой администрации. Кроме того, нередкими были случаи и хищения золота, а также побеги рабочих. Последнее особенно беспокоило золотопромышленников. Весь непосредственный наём основной массы пролетариев происходил в Енисейске и Енисейском округе, уже традиционно являвшимися главными источниками живой силы. Сам Енисейск, как метрополия Южной и Северной систем тайги, являлся ещё и местом вербовки служащих приисковых администраций. Если посмотреть на статистику побегов рабочих с приисков конца девятнадцатого столетия, то окажется, что больше всего их бежало с приисков компании Матониных, а также с приисков Л. Мильштейна и В. П. Захарова. Порой побеги носили массовый характер, когда из нанятой партии в триста рабочих бежало от восьмидесяти до ста тридцати человек. С приисков В. И. Базилевского, В. А. Ратькова-Рожнова и И. Д. Черемных бежали меньше. В первую очередь это было обусловлено всё же лучшим содержанием, а главное — растущей зарплатой. Так, если в 1894 году на оплату труда компаний потрачено 35 тысяч 650 рублей, то в 1895 году она составила уже 55 тысяч 072 рубля, а в 1896 году — 63 тысячи 677 рублей при относительно стабильной численности персонала³². На тот исторический отрезок времени значительная часть приисков разрабатывалась не самими владельцами, а сдавалась в аренду. По некоторым данным, на конец века только тридцать восемь процентов работ из общего массива добычи проводилось самими хозяевами³³.

Понимая причину своих неудач, которая крылась и в отсутствии специалистов горной промышленности, Иван Дмитриевич выходит в городской Думе с предложением об открытии реального училища без дорогостоящего оборудования, развивая мысль о том, что «даже высшее горное училище не поднимет упдающую золотопромышленность, потому что ещё не найдено средства создавать золото там, где его нет»³⁴, тем более случай

27. Кытманов А. И. Ук. соч. Машинопись. С. 639.

28. «Сибирский вестник» // 1889.

29. Лаговский А. Опыт добычи и обработки жильного золота в Енисейском округе. С.-Петербург, 1889. С. 138.

30. Там же. С. 139.

31. Рассели Ф. Материалы. Сведения о частном золотом промысле в России. С.-Петербург, 1863. С. 77.

32. Лаговский А. Ук. соч. С. 154.

33. Кулибин В. Наша золотопромышленность. Рабочий вопрос // Вестник золотопромышленности, 1894. С. 21.

34. Кытманов А. И. Ук. соч. Машинопись. С. 654.

представился удачный: в 1891 году встал вопрос о преобразовании Енисейской прогимназии в гимназию. Ему возражал Н. В. Скорняков, настаивавший на открытии хотя бы низшей горнозаводской школы. Он подчёркивал, что это заведение будет доступно для малоимущих слоёв города и послужит улучшению промышленности и благосостояния края. Строго говоря, Никита Виссарионович был прав. В конце девятнадцатого века Енисейск переживал влияние общероссийской модернизации: строительство телеграфных линий, портовых сооружений и рыбопромышленных пунктов требовало специалистов, которых можно было «вырастить» в здешней среде. Не зря А. И. Кытманов писал: «Для развития рыбопромышленности нам нужно более образованных капиталистов, способных образовывать товарищества, акционерные общества для поиска золота, развития торговли, пароходства и прочее»³⁵.

Пока шли споры, И. Д. Черемных предпринял очередной шаг к развитию собственной судоходной линии, на которой, правда, работали один небольшой пароходик «Сибирячка» и несколько деревянных барж. Но здесь нашему герою фатально не везло. Ещё в 1889 году он обратил своё внимание на залежи графита в Туруханском крае. В 1891 году им было добыто несколько десятков тысяч пудов по реке Троицкая Тунгуска (сегодня Нижняя Тунгуска), судоходство по которой традиционно осложнено системой порогов и водоворотов. Весь груз было решено сплавить на нескольких баржах, но переход оказался неудачным: баржа потерпела катастрофу, и за борт отправилось до семи тысяч пудов графита. Эти баржи потом были проданы и оченьгодились при разгрузке привезённых из Англии рельсов. Иван Дмитриевич пытался отправить в эту страну пригодный груз — восемнадцать тысяч пудов графита и пиленый лес, но из-за бури сделка сорвалась. Не ограничиваясь графитом и лесом и предвидя заинтересованность Великобритании в сибирских ресурсах, особенно в слюде, предприимчивый купец решает организовать её добычу, отправив своего приказчика Азанчевского с разведывательной партией на приток Ангары — реку Тасееву, которая ещё с семнадцатого века была известна своими месторождениями этого минерала. Чем закончилось данное предприятие, сегодня сказать сложно. Тогда же на Фатьянихе, помимо добычи графита, партии были обнаружены месторождения каменного угля, образцы которого были доставлены доверенному Черемных — Галанину³⁶. С 1891 года

правительство Российской империи занималось воплощением в жизнь проекта Транссибирской железнодорожной магистрали. В свете большой стройки на внутренние речные пути возлагались большие надежды в плане доставки строительных материалов. В 1893 году на средства Комитета Сибирской железной дороги из Великобритании на Енисей была организована экспедиция под руководством лейтенанта Л. Ф. Добротворского. В ней приняли участие и русские корабли под военным флагом: «Лейтенант Овцын», «Лейтенант Малыгин» и паровая шхуна «Лейтенант Скуратов». Эти суда встречал речной конвой, состоявший из парохода «Граф Игнатъев» с тремя баржами и парохода «Бард» при трёх баржах И. Д. Черемных. Начался шторм, в результате которого две баржи с грузом рельсов оказались выброшенными на берег.

Общественная жизнь Енисейска также не отпала Ивана Дмитриевича, хотя он большую часть времени проводил на приисковых резиденциях. Ещё в 1888 году он и его супруга вступили в почётное членство Совета Общества попечения о начальном образовании, организованного по инициативе тогдашнего городского головы Н. Н. Дементьева, внося суммы на поддержание развития системы учебных заведений города. В 1892 году пришло тревожное известие: из соседних районов приближалась эпидемия холеры. Местные общественники предприняли ряд мер для улучшения санитарной обстановки улиц и домовладений. И. Д. Черемных и ещё несколько гласных городской Думы выдвигают предложение о закрытии береговых кабаков, издавна служивших пристанищем криминальных элементов Енисейска. Однако Думе было невыгодно закрывать данные заведения, которые служили источником дохода, и кабаки остались на прежних местах. Эпидемия миновала Енисейск, а администрация получила бесценный опыт в оперативной уборке кварталов. В том же году в печати состоялись очередные баталии о ситуации на приисках, на этот раз между Иваном Дмитриевичем и корреспондентом «Восточного обозрения» В. Крутовским. Золотопромышленник раскритиковал его статью, посвящённую положению рабочих. В ответной заметке Крутовский советовал «пускаться на другой раз в критику более осмотрительно, ознакомившись подробнее с предметом критики, и если последняя, как это вышло в последнем случае, недостаточна для Черемных по своему специальному характеру, то лучше ограничиться молчанием, а не браться за перо и не ставить себя в смешное положение»³⁷. Вообще, 1892 год оказался для приискового отшельника Черемных плодотворным. В Красноярске состоялась первая сельскохозяйственная и промышленная выставка. Правда, А. И. Кытманов был не в восторге от возможностей Енисейского округа на этом мероприятии, лишь скупо осветив событие

35. Там же. С. 654.

36. Хейн И. Дневник поездки с Н. В. Асташевым в Туруханский край. С. 9.

37. «Восточное обозрение» // 1892.

в своей «Летописи...»: «Участие Енисейска и его округа на первой сельскохозяйственной выставке было ничтожно, если не считать коллекции музея и предметов любителей»³⁸. Примечательно, но среди этих «любителей» оказался и наш купец, получивший Похвальный отзыв за демонстрируемую большую тыкву с собственного огорода.

Но не станем забывать о золоте, добыча которого являлась настоящей страстью для нашего героя. Ещё четвёртого октября (по старому стилю) 1888 года он заявил свидетельство на два прииска: Ильинский и Счастливый. Был заявлен никогда не работавший рудник «Поднебесный». Шла дополнительная разведка на Иеремеевском и Покровском приисках, которые он принял уже разработанными от предыдущих владельцев — золотопромышленников Родственных, Цибульских и компании Иваницкого. Иеремеевский же арендовался Черемных на паях с мещанином Д. Ф. Секистовым и генерал-майором А. Л. Шанявским³⁹. Казалось бы, после трёх владельцев перспективность этих приисков была более чем скромной, но у Ивана Дмитриевича был свой взгляд на предстоящее дело. За операции 1894 года, а в последующем — уже наследниками Черемных в 1895–1896 годах, было пробито сто девяноста четыре шурфа, часть из которых ввиду выхода подземных вод оказалась затопленной⁴⁰. В этот период времени золотопромышленники предпочитали не покупать, а арендовать прииски, владельцы же часто сами отказывались от работ на принадлежащих им территориях, предпочитая жить рентой. На этот рынок приходят казённые компании из Европейской России, а также иностранные предприниматели. Иван Дмитриевич приобретает себе компаньона — енисейского мещанина Герасима Фёдоровича Лазичева, который впоследствии станет его душеприказчиком. На Иеремеевском прииске И. Д. Черемных не добьётся особых успехов, и он будет продан в 1899 году наследниками мариинским и красноярским купцам Савельевым. Здесь важно подчеркнуть, что частную золотопромышленность, помимо приводимых выше причин, сдерживал фактор высокого налогообложения со стороны государства, который «всецело и исключительно ложится на производителя, и никакая правительственная мера не может оградить его от разорения»⁴¹. Но «упорный» золотоискатель продолжал пытаться счастья, арендуя новые участки. Так, были арендованы Покровский, Афанасьевский и Александровский прииски. Последний разрабатывался при участии старых компаньонов В. И. Базилевского и В. А. Ратькова-Рожнова⁴². В 1893 году его поисковые партии били шурфы на руднике «Мария-Яковлевский». Тогда же он преподносит Енисейскому обществу музею очередной дар — «Альбом с видами приисков и рудников товарищества Базилевского

и Ратькова-Рожнова» с собственным автографом. Альбом и сегодня хранится в музейных фондах.

К 1894 году в арендном владении нашего героя имелось десять рудников, некоторые из которых носили любопытные названия: «Золотая заноза», «Эйфель», «Золотой бугорок» и «Горный дух». Тогда работы на этих месторождениях жильного золота были признаны самыми значительными после работ компании Асташевых⁴³. Однако поиск новых месторождений в начале 1890-х годов осуществлялся всё труднее. Известно, что некоторые прииски выделялись не столько содержанием золота, сколько примечательными и даже экзотическими названиями. Некоторые из них после отведения никогда не разрабатывались. Наш герой ещё в 1885 году заявил прииски «Обещающий» и «Забывтый клад», но к их разработке так и не приступил. Инженер Ячевский хотел вызвать интерес к новым поискам среди предпринимателей Северной тайги. На частном совещании в присутствии Кытмановых, Востротинных, Черемных, Захарова и Харченко было решено создать общий капитал, получив от каждого по одной тысяче рублей для найма поисковых партий. К сожалению, эта инициатива осталась лишь замыслом.

К 1894 году Иван Дмитриевич Черемных, в связи с ухудшением дел, выбыл из первой купеческой гильдии Енисейска во вторую. Судя по всему, в первой гильдии он пробыл совсем недолго. Судьба типичная для многих енисейских предпринимателей того времени. В самом городе, тесно связанном с золотым промыслом и не располагавшем крупными производственными базами, наблюдалась общая стагнация. В городской казне даже не было денег на ежегодные ремонты казённых и общественных сооружений. Сохранившиеся документы городской управы ярко свидетельствуют о наступившем кризисе: «Для поддержания городских заведений от дальнейшего обветшания в течение всего года произведены были лишь самые ничтожные исправления, вызванные крайней необходимостью, на что израсходовано, как видно из отчёта, 420 руб.

38. Кытманов А. И. Ук. соч. Машинопись. С. 671.

39. Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Ук. соч. С. 278.

40. Лаговский А. Ук. соч. С. 143.

41. Труды комитета по вопросам золотопромышленности. Сборник материалов. Выпуск первый. Иркутск, 1880. С. 17.

42. Преловский П. И. Образцы и формы прошений, заявок, договоров и других бумаг по золотопромышленным делам со включением законоположений, относящихся до золотого промысла. Иркутск, 1890. С. 332–333.43.

43. Лаговский А. Ук. соч. С. 407.

Вид на дом усадьбы Базилевских в Енисейске. Фото 1937 г.

32 коп.— сумма, которую тратит иной домовладелец на ремонт своей усадьбы»⁴⁴.

В 1894 году, двадцать восьмого апреля (по старому стилю—пятнадцатого апреля), Ивана Дмитриевича Черемных не стало. В газете «Енисейский листок» можно обнаружить следующий некролог, посвящённый ему: «В Енисейске скончался небезызвестный местный деятель Иван Дмитриевич Черемных, первый положивший основание рудной разработке золота в Енисейском округе на делах В. И. Базилевского и К. В то же время это был отзывчивый человек на всё хорошее, где, по мере сил своих, всегда принимал материальное участие, и мы уверены, что смерть этого доброго человека, как местного деятеля, будет чувствительна для Енисейска, и в особенности в золотопромышленном мире потеря эта будет ещё ощутимее»⁴⁵.

По его духовному завещанию, ликвидация всего дела должна была осуществиться через три года, причём все доходы должны были быть

сформированы в единый капитал для обеспечения престарелых и увеченных рабочих. Однако после смерти И. Д. Черемных его душеприказчик Г. Ф. Лазичев в 1897 году передал Иеремеевский прииск бывшему компаньону—генералу А. Л. Шанявскому, а тот, как упоминалось выше, сдал его в аренду купцам Савельевым. Аренда для последних была весьма высокой—свыше шестисот золотых полумпериалов (три тысячи рублей)⁴⁶. Покровский прииск остался во владении наследников умершего золотопромышленника вместе со всеми хозяйственными постройками. Компания Базилевского и Ратькова-Рожнова продолжала действовать. Она упоминается в источниках за 1916 год, то есть в разгар Первой мировой войны. Что касается И. Д. Черемных, то, по данным городских приходов, ни в одном некрополе Енисейска он погребён не был. Скорее всего, следы его последнего пристанища нужно искать в метриках приисковых церквей.

Наследницей оставшегося капитала выступила молодая вдова (на момент смерти мужа ей было тридцать четыре года). В первое время жене даже удалось приумножить дело мужа, объявив (ещё при жизни Ивана Дмитриевича) прииск Васильевский, первым обладателем которого был И. П. Кытманов⁴⁷. Кроме того, к ней отошёл прииск Аборигенный, который она успешно сдавала в аренду. Ранее её родителям—мещанам Глазковым—принадлежал деревянный дом на Сенном рынке. Теперь, в декабре 1899 года, ею была

44. Отчёты Енисейской городской управы. мку «Архив города Енисейска». Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

45. «Енисейский листок» // 1894.

46. Лаговский А. Ук. соч. С. 155.

47. Описание к карте приисков, расположенных по системе рек Понимбы и Таврикуль с левой стороны реки Большой Пит. екм 3607. Л. 5.

приобретена усадьба на Большой улице (купчая от двадцать первого декабря по новому стилю). Кроме того, ещё в январе того же года, после четырёх лет вдовствования, Афанасия Савельевна вторично связала себя узами брака с начальником Енисейской пожарной команды подполковником Петром Филипповичем Михайловым. Венчание состоялось в Градо-Енисейском Богоявленском соборе. Судя по записям в Енисейской книге домовладений, приобретённая усадьба включала в себя целый комплекс построек: деревянный дом, амбар с навесом, флигель, баню и сарай⁴⁸. Интересно, что от михайловского дома в конце 1890-х годов началась так называемая «антикабацкая зона», которая тянулась до каменного склада Поляковых (пересечение современных улиц Ленина и Бабкина).

Сам Пётр Филиппович происходил из красноярских мещан; окончив в дальнейшем юнкерское училище, стал офицером. Был переведён в Енисейск в 1892 году, дослужился до начальника местной войсковой команды, получив титул личного дворянина⁴⁹. Также он служил преподавателем гимнастики в Енисейской мужской гимназии. Во время первой всеобщей переписи населения 1897 года являлся одним из счётчиков. Служил П. Ф. Михайлов исправно и, по словам М. П. Миндаровского, «пользовался симпатиями подчинённых ему по службе нижних чинов как человек мягкого характера и не корыстолюбец. Таким он и остался до конца своей жизни»⁵⁰. Также он с 1905 по 1909 год служил гласным городской Думы. Уже в Енисейске Михайлов овдовел—его жена Александра Гавриловна скончалась в 1895 году. В семье осталось пять (по другим данным—трое) детей, и нужно отдать должное Афанасии Савельевне, теперь уже Михайловой, что она приняла и воспитала их как своих. Так сложилось, что ей было суждено пережить и второго мужа: подполковник Пётр Филиппович Михайлов скончался в сентябре 1909 года и был похоронен на Абалаковском кладбище. Захоронение не сохранилось. Афанасии Савельевне было суждено прожить долгую жизнь. В 1911 году она избирается председателем Общества попечения о начальном образовании в Енисейске, которое ранее было закрыто в связи с последствиями революционных событий 1905–1907 годов. В начале 1920-х годов советские национализации обошли стороной владения Михайловых. По выписке 1935 года она продолжала оставаться владелицей дома, возможно, занимая только какую-то его часть, так как к сегодняшнему дню здание претерпело внутреннюю перепланировку, получив статус многоквартирного дома. Интересно, что сам дом был застрахован как недвижимое имущество Енисейским филиалом Красноярского общества взаимного страхования от огня двадцать третьего мая 1917 года под № 129 на сумму две тысячи рублей.

Подполковник П. Ф. Михайлов в составе счётчиков Первой всероссийской переписи населения 1897 г.

Завершая своё повествование о купце-золотопромышленнике Иване Дмитриевиче Черемных (двадцать восьмого апреля 2019 года исполняется сто двадцать пять лет со дня смерти), стоит сказать следующее: на протяжении всей своей жизни он показал себя как крайне неординарный и инициативный предприниматель. Перебравшись в енисейскую тайгу в числе первой волны золотопромышленников с Урала и выйдя из довольно большой когорты приисковых управляющих, он, благодаря своему природному уму и трудолюбию, смог подняться до вершины купеческой иерархии, войдя в ряды первогильдийцев. Вместе с тем крайне увлекающаяся натура нашего героя довольно часто бросала его из одной предпринимательской стихии в другую, что нередко приводило к краху некоторых проектов. Также нельзя отрицать факта серьёзной эксплуатации рабочих на приисках, принадлежавших его компании. При этом в сравнении с другими владельцами приисков условия труда и жизни, обусловленные стремлением нашего героя к техническому совершенствованию поиска золота и медицинскому обслуживанию рудников, здесь были всё же лучше. Нельзя также отрицать и участия его и Афанасии Савельевны в общественной жизни Енисейска. Иными словами, Иван Дмитриевич Черемных был метеором, стремительно пронёсшимся по небосклону истории добычи драгоценного металла в Енисейском округе второй половины девятнадцатого столетия.

48. Книга домовладений г. Енисейска 1856–1922 гг. МКУ «Архив города Енисейска». Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.
49. Пирогова Н. В. Ук. соч. С. 32.
50. Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания 1891–1916 гг. Машинопись. С. 177.